

фантастическая
история

Книги Андрея Дая
в серии «Фантастическая История»

ПОВОДЫРЬ
ОРДЕН ДЛЯ ПОВОДЫРЯ

МОСКВА, 2013

фантастическая
история

Андрей Дай
Орден для
поводыря

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Д12

Дай А. Ю.
Д12 Орден для поводыря: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 345 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1541-0

Томский губернатор из второй половины 19 века, в теле которого пребывает душа чиновника из 21 столетия, продолжает предпринимать попытки изменить ход истории. В сопровождении вооруженного эскорта Герман Лерхе едет на Алтай с так называемой инспекцией. Ему нужен повод, чтобы ввести войска на спорные территории. Одновременно с этим он с тревогой ждет вестей из столицы: отправленные им письма могут принести неплохие лавры, а могут стоять карьеры и даже жизни.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1541-0
© Дай А. Ю., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

Огромное спасибо господам Алексею Герасимову (Сэй Алек), Евгению Орлову, Павлу Ковшику, Сергею Гончаруку, Владимиру Игрицкому и сударыне Александре Андреевой за неоценимые советы и помощь в поиске информации.

ПРОЛОГ

Всегда любил Алтай. Влюбился с первого взгляда, едва увидев его неистовые бирюзовые реки и серые, с ржавыми и белесыми потеками, камни. Ну и конечно — сосны. У нас, на севере Западной Сибири, сосны обычные. Пусть тоже величественные, кучерявые и стройные, но все-таки блеклые какие-то. На Алтае же сосны золотые. Стоит выглянуть солнцу — и бор вспыхивает, блестит.словно и не деревья это, а столбы, поддерживающие гигантский купол общемирового храма.

Впервые попал в горы еще юношей. Летом, после получения аттестата, отправились с отцом в турпоездку по Чуйскому тракту. На новеньких блестящих «Жигулях», радуясь солнцу и ветру, не задумываясь ни о чем. От Бийска до Кош-Агача. Хотели и дальше на юг, но в Акташе нужно было брать пропуск в пограничную зону, а во времена СССР это было не так просто сделать.

Бывал и потом несколько раз. После малахольного переворота, когда КПСС стало нельзя, а порнуху по телевизору можно, Республика Алтай сделалась какой-то донельзя национальной. Высшие посты в Горно-Алтайске быстренько поделили старшие семьи алтайцев, которые тут же радостно распродали «в аренду» самые вкусные места горной страны новосибирским и барнаульским коммерсантам. У северного берега Телецкого озера, где я еще застал огромные травянистые луга и лес, отражающийся в воде, понастроили шикарных домов отдыха и пансионатов. У причалов появились со-

временные моторные катера и яхты. Говорят, из озера все еще можно пить, но я бы не рискнул.

Окрестности озера Манжерок тоже преобразились. Не знаю, ищет ли кто-нибудь в этом бассейне для купания отдыхающих, наполовину заросшем камышами, знаменитые «чертики» — водяные орехи и если ищет, то находит ли? Или после постройки горнолыжного спуска там даже рыба перестала водиться? Сие мне неизвестно. Совещание по вопросам вскрытия и выставления на торги концессий на разработку месторождений из госрезерва проходило там зимой. Да и не до рыбалки было. Утром — пара докладов. Потом коньяк и горные лыжи. Вечером банкет.

А мне всегда хотелось плюнуть на все, бросить в багажник «лексуса» палатку со спальником и рвануть в горы. Куда-нибудь, где нет назойливых туристов, не ловит сотовый и не продают мед. Где в чистых хрустальных ручьях живут маленькие стремительные рыбки, а в небе парят огромные орлы...

Понимал, что это только мечта. Что бесконечные дела не отпустят и там, что спутниковый «Ирис» ловит везде. Но сама возможность этого как-то грела давно проданную золотому тельцу душу.

Как там, в рекламе какого-то французского авто? «Не в этой жизни»? Вот уж точнее не скажешь.

Глава 1 ТРОПЫ

Кто же знал, что всего через три месяца после моего, так сказать, нового рождения в новом теле и новом мире я окажусь на Алтае. С палаткой, скруткой из жестких солдатских одеял и верхом на капризной кобыле по кличке Принцесса. Ни сотовой, ни спутниковой связью здесь и не пахло. В реках полно рыбы, в небе — орлов. На скалах нет-нет да показывались надменные круторогие козлы, а в распадках изредка шуршали кустами косули. И ни одного туриста на тысячу верст вокруг. И мед никто не продает, даже если очень хочется его отведать. Вот куда, едрешкин корень, приводят мечты...

Отряд растянулся по тропе версты на четыре. Где-то впереди, за очередной, бог знает какой по счету, скалой, в авангардном охранении двигалась полусотня с хорунжим Корниловым во главе. Нет, не тем Корниловым — Иваном Яковлевичем, — что без большого успеха охранял мое спокойствие в Томске, а с его средним братом Михаилом. Младший из братьев, Артемка, служил у меня денщиком. Так-то Михаил командовал четвертой сотней Томского казачьего полка, но сам вызвался в поход и даже согласился остаться в будущей крепости на зимовку. Кто-то ведь должен был подготовить долину к массовому переселению станичников, которое мы с майором Викентием Станиславовичем Суходольским планировали начать будущей весной.

Сам майор, кстати, давно отстал. Еще в Барнауле. А я задерживаться в горнозаводской столице АГО не считал нуж-

ным. Красивый, конечно, город, но уж больно неприветливый. Как закрытый «почтовый ящик» советских времен. Подумать только! Я целые сутки в Барнауле пробыл, а горный начальник не удосужился меня к себе пригласить. И ежегодное заседание горного совета — слабое тому оправдание. Можно подумать, у них там регламент и Фрезе минутку выделить не мог. Варежка, он же Пестянов Ириней Михайлович, порассказывал про их совещания. Это когда несколько десятков высших чиновников АГО на полмесяца весь Барнаул на уши ставят. Лучшие номера в гостиницах, банкеты в первоклассных ресторациях, лихие гонки на тройках по главным улицам сибирских Афин. Баня, водка и доступные девки. Знакомая картина. И ведь когда-то еще успевают годовой бюджет верстать, себя не забывая! Выдающиеся люди!

Впрочем, зачем горному начальнику с кем-то еще совещаться? У него ведь и дети есть, и зятья из известных — тьфу, блин! — горных династий. Тот, что постарше из зятьев, женатый на Анне Александровне, Владимир Александрович Кулибин, внук того самого Ивана Кулибина, который будто бы изобрел паровую машину, — пристав Зыряновских серебряных рудников. Ну, это что-то вроде командира-директора. Бог и царь в одном флаконе. Второй, женатый на Надежде Александровне, Леонид Александрович Карпинский, только из горного опять же института — и сразу в помощники пристава на те же самые рудники. И ведь ничего удивительного. Серебро — главный источник прибылей АГО. Там и должны состоять свои люди. Ну, чтоб деньги не мимо проплывали, а к рукам успевало что-нибудь прилипнуть.

Думаете, я огорчился таким к себе невниманием? Напротив. После изучения первых отчетов Ириней Пестянова я боялся при встрече с Александром Ермолаевичем Фрезе брякнуть что-нибудь не то. Не пришло еще время ссориться.

Зато никто не мешал заниматься своими делами. Не путался под ногами и не задавал глупых вопросов. Я спокойно

посетил окружное училище — естественно, горное. Пообщался с управляющим — подполковником Ярославцевым Михаилом Александровичем. Передал тому привет от директора училищ Томской губернии, статского советника Михаила Логиновича Попова. Имелся у меня там корыстный интерес. Во-первых, князю Кострову зачем-то очень нужен был какой-то барометр-анегирид, а во всем немаленьком Томске лишнего не нашлось. А во-вторых, не помещала бы пара-тройка смышленных ребятишек, еще не испорченных горной круговой порукой и сведущих хоть чуть-чуть в геологии.

Зачем? А зачем Кострову барометр? Он что, самолетам нелетную погоду предсказывать собрался? Сказал — очень нужен, я и пошел добывать. Согласитесь, действительному статскому советнику и томскому гражданскому губернатору это проще сделать, чем надворному советнику, хоть и князю.

А молодые специалисты мне нужны даже больше, чем князю прибор. У меня озеро в тайге спит, с которого туземцы нефть лопатами собирают, а губернская столица без асфальта в пыли задыхается. Мне неподалеку от будущего поселка Яшкино известняки нужно добывать, уголь из-под Анжеро-Судженска выкапывать, и железо там рядом. Да и про Чуйскую долину я с того памятного совещания на озере Манжерок кое-что помню. Там бы тоже в земле поковыряться не помешало.

И что, я сам, что ли, должен богатства искать? Из меня такой геолог, как из Жириновского балерина. Я на карте могу пальцем ткнуть, где именно смотреть, но серебряную руду от базальтового окатыша вряд ли отличу. А уж коксующийся уголь от обычного, топочного — и подавно. Так что ребятки нужны были позарез. Причем именно что не всякие-любые. Свои карманы набивать втихаря я, конечно, не собирался, но и шуметь на весь мир об открытых богатствах губернии тоже не хотел. Месторождения должны разрабатывать те люди, которые на мои условия согласятся, а не

присланные Петербургом расхитители или, еще того хуже, иностранные подданные.

Большая часть, не менее восьмидесяти из каждых ста, учащихся в окружном училище — это дети чиновников местной администрации. Их судьба predetermined самим фактом рождения — продолжать династию геологических инженеров. Из училища почти все они отправлялись в институт.

Примерно пятнадцать из этой же сотни — отпрыски офицеров расквартированных на Алтае воинских подразделений 9-го Донского казачьего полка и 35-го Барнаульского линейного батальона. Командиры русской императорской армии, как люди вполне состоятельные, тоже способны обеспечить детям достойное будущее. В стране достаточно военных учебных заведений.

И оставшиеся пять — питомцы опять-таки горных заведений общественного призрения. Сироты-то есть. Каким боком к ним повернется жизнь после того, как они перешагнут порог училища, ведал один Господь Бог. У них за плечами не маячил обширный, связанный круговой порукой «попилов» кабинетских доходов клан. При выборе любой карьеры им пришлось бы начинать с самого низа, даже будь они семи пядей во лбу. Чаще всего эти сироты так всю жизнь и прозябали писцами и журналистами в конторах горной администрации.

Так что я, надеясь получить преданных и неболтливых, сведущих в геологии ребятишек, по сути, давал им шанс выбиться в люди. И примерно это Ярославцеву и заявил.

— Как же, как же, понимаю, — сделавши жест, словно моет руки, обрадовался тот. — Вы, дорогой Герман Густавович, известный меценат. Конечно, наш святой долг позаботиться о бедных сиротах... Но и вы меня поймите, ваше превосходительство. Из казны по пятьдесят рублей на каждого в год тратилось. Оно хоть и дело благое, а коли вы их с собой заберете, так они государю императору затраты уже и не вернут поди...

Почему-то я даже не удивился. Сторговались на пятистах рублях. Ассигнациями. За троих. За такие деньги я мог выпускника горного, прости господи, института нанять. Но одного. Так что заплатил. Единственное что — потребовал право выбора. Чтобы горный работорговец дебилов и лентяев не подсунул за мои же деньги.

Благо деньги, хоть и хранились у меня, но именно моими личными не были. Пять тысяч серебром выделил томский воинский начальник — на закупку припасов в Бийске и у туземных племен. Еще пять — финансовый департамент губернского правления, на нужды обустройства таможенного поста и утверждения власти государя императора российского во вновь приобретенных землях. Тратить я их волен «по собственному усмотрению», ни перед кем не отчитываясь. Такая вот бухгалтерия.

Поручил выбор юношей князю. Он как раз, сверкая улыбкой до ушей, из Пятого отделения по делам частных золотых промыслов прискакал. Ну чисто ребенок. Выпросил у тамошнего начальника, коллежского советника Степана Ивановича Гуляева свой прибор и рад. Много ли надо для счастья...

Я бы тоже очень хотел познакомиться с Гуляевым, но не сложилось. Жаль, конечно. Много о нем слышал. Мало того что он своего по сестре племянника, юношу со взором горящим — Дорофея Палыча, к наукам приобщил, так и сам человек в губернии известный. Работает над основанием новых промыслов; занимается улучшением культурных растений и разведением новых пород скота и сельскохозяйственных растений; химией немного балуется, особенно прикладной; сахарную свеклу к Сибири адаптировал; по Алтаю постоянно путешествует, лекарственные растения изучает. Готовый будущий профессор будущего Томского университета.

Уже даже и собрался к Степану Ивановичу на ужин набиться. Поди не выгнал бы гражданского губернатора. Да и по письмам от племянника наверняка о моих помыслах наслы-

шан. Сам-то парень уже на опытной ферме от Каинска не-подалеку трудится. У Ерофеевых. Говорят, доволен, распол-нел на купеческих харчах. И Матрену, или как ее там, с со-бой привез.

Собрался, да не поехал. Пришлось срочно подполковни-ка Льва Христиановича Познера посетить, командира того самого барнаульского подразделения, из числа которого Дюгамель расчеты к моей артиллерии выделил. У меня и приказ полковника Денисова с собой был. Только Познеру, похоже, Денисов с Дюгамелем неавторитетны показались. Первого июня фейерверкеры уже должны в Бийске были быть, а второго, когда мой флот у барнаульских причалов пришвартовался, они еще и не думали выдвигаться.

Совсем, блин, страх потеряли. Ну да ничего! Я их научу Родину любить. Взял с собой, кроме грозных бумаг от Дюга-меля, еще и два десятка казаков. И револьвер. Так подпол-ковника и приказывал арестовать и под домашний арест по-садить — ласково размахивая пистолем. Тот нервно улыба-лся, надеясь то ли на чудо, то ли на немедленную помощь тьфу-горных покровителей. Но за кончиком ствола следил неотрывно. Видимо, слава обо мне как о грозе тракторных раз-бойников успела уже и до кабинетских земель докатиться.

Заместителю, майору Власову, предъявил распоряжения начальства. Тут же заставил написать рапорт, присовокупил к нему письмо — собственную версию событий и отправил в Омск генерал-губернатору. А майору сказал, что коли узнаю об освобождении Познера из-под ареста без санкции Дюга-меля — сильно обижусь. Найдутся рычаги, чтобы безвестно-го майора на Камчатку чукчей сторожить отправить. Он по-верил. И даже людей к пушкам тут же нашел — снял охране-ние от «заведения», где мать-их-горные начальники смету расходов обмывали. Причем вид у Власова был такой, слов-но я ему не Чукоткой грозил, а орден во все пузо выдал. Как у объевшегося сметаны кота, у майора был вид. Чую, насту-пило в Барнауле веселое времечко. Прикрываясь моими бу-магами, заместитель много чего натворить успеет.

Да и солдаты от известия, что путь их на самую границу с Китаем лежит, в обморок не падали. Так побежали собирать вещички, будто за ними гнался кто-то. А когда узнали, что останутся служить в новой крепости, до нового распоряжения генерал-губернатора, так и вообще: к пристани пока маршировали — песни пели. Это ж как нужно людей замордовать, что они ссылку в тьмутараканьские горы за избавление почитают! Остальные-то, те, кто в «Афинах» оставались, этим искренне завидовали. Это же сразу видно!

В случае войны расчет одного орудия в российской императорской армии составляет двенадцать человек. При службе у пушки в крепости вполне достаточно восьми. Плюс опытный унтер. Со мной из Барнаула ушли на Чую пятьдесят один человек. Захотел бы больше — дали бы. Хоть сотню. Добровольцами были все поголовно.

Командовать расчетами назначили молодого поручика Сашу Геберта, а ему в помощь дали фельдфебеля Казнакова — седого уже дядечку с пышными бакенбардами и усами. Среди солдат вообще оказалось много молодежи. И поляков. Такая вот у меня русско-еврейско-польская армия получилась...

Пока я Познером занят был, Суходольский по городу рыскал — рабочих на строительство Чуйского тракта вербовал. Вернее, пытался. Не так-то это просто — обдумать предложение, собраться, с женой попрощаться и в дебри Южного Алтая камни ворочать отправиться. Так что ни фига за этот день у Викентия Станиславовича не вышло. Он еще в пути сомневался, да только я, дурень, не верил. Он и на том, что в Бийской крепости мы и подавно рабочих не найдем, настаивал. Пришлось нам расстаться. Он остался людей собирать, а мы следующим же утром в Бийск отплыли.

Я майору денег две тысячи оставил и бумаги, конечно, попросив догнать нас в Бийске. Жаль, и этот план рухнул. Не смог я его долго ждать.

Васька Гилев изъерзался весь — в дорогу выступать торопился. Это у меня «государственные интересы», а ему

главное — торговля. Упустишь ярмарку — и сиди жди, время теряй.

А как, стервец, встретил меня — закачаешься. Бабы в сарафанах с хлебом-солью, оркестр. На берегу Бии причалы из бревен, флагами и разноцветными лентами украшенные. Словно великого князя встречали, а не начальника губернии.

Сам Василий Алексеевич в столичном сюртуке. На манжетах батистовой рубашки золотые запонки. Высокие кавалерийские сапоги блестят. Местный городничий, Иван Федорович Жулебин, бедным родственником рядом с купчиной первогильдейным смотрелся. Но ничего, не обижался. Видно, достигнуто у него с местным торговым людом полное взаимопонимание. Припрятана где-нибудь кубышка с пенсионными накоплениями.

Воинов моих разместили в крепости. Так-то она давно уже из реестра оборонительных сооружений выписана, в ка-торжную переведена. Но велика для трех сотен кандалников, достаточно еще места в обширных казематах и солдатских казармах. Лет пятьдесят назад гарнизон до двух с половиной тысяч доходил. Как служивых из Бийска на юг, в киргизские степи перевели, население города сразу вдвое сократилось.

Городок небольшой. Меньше Каинска. Но народ здесь другой. Свободный, лихой, веселый. Много торговцев, вокруг бескрайние поля и сады. Основывался как военное поселение. Потом горнозаводским считался, но барнаульским начальникам был малоинтересен. Значительных месторождений вокруг нет, половина земледельцев — потомки казаков, люди вольные, спину перед инженерами гнуть не привыкшие. И наделы у местных переселенцев куда как больше, чем у кабинетских. Оттого и достаток.

В городке уже было несколько каменных зданий. Красивая церковь, множество лавок, вдоль реки — огромные амбары. И хотя «Уфа», первый пароход, пришедший в Бийск, — чудо расчудесное вроде цирка, привлекающее

всеобщее внимание, но у причалов множество парусных толстобрюхих корабликов. Урожая хватало и себе, и на продажу.

Меня с офицерами Гилев зазвал в гости. Я думал, хвастаться будет, но нет. Оказалось, у него на подворье, в сарае пушки лежали. Те самые, что мне генерал-губернатор со стен брошенной крепости взять разрешил.

— Шестифунтовка, — непонятно чему обрадовался Сашенька Геберт. Неужели не верил, что ему найдется работа? — Ядра-то есть?

— А как же, ваше благородие, — хмыкнул Гилев. — И ядра и пульки. И по тридцать выстрелов на ствол приготовили. Лафеты только вот подгнили. Но скрепы уже сбили. Доски поменяют, кузнец обратно кольца склепает — и готово. Можно в путь отправляться.

— Пальнуть пробовал? — полюбопытствовал я.

— Хотел, ваше превосходительство, — честно признался купец. — Но боязно. Эка силища-то!

На вид жерло ствола было сантиметров десять и смотрелось вполне серьезно. Тут я впервые подумал, что наверняка хватило бы и пары штук. Все-таки пушки — это больше политический аргумент, чем военная необходимость. А тащить эти бронзовые чушки придется все пять сотен верст. Плюс ядра с какими-то пулками и порох для зарядов.

— Тяжелые, — уважительно выговорил фельдфебель Герцель Цам. Не удивлюсь, если он думал о том же, о чем и я. — Пудов, видно, в двадцать?

— Двадцать два, — кивнул купец. — И лафеты в двадцать пять. Да пороху — два фунта на выстрел. И ядрышко — каждое по шесть фунтов. Но ты, служивый, не бойсь. Не на себе потащим. Лошадей много припас — дотянут. Нынче трудно с монголом без пушки разговоры разговаривать. Их китайские люцини подзуживают нас на крепость проверить.

— Ой вей, — тяжело вздохнул унтер-офицер с вечно грустными глазами. — Ваши бы слова да таки Богу в уши.

Посмеялись. Нам, командирам этого похода, на спине трехсоткилограммовые, позеленевшие от времени орудия через горы не тягать.

Гилев действительно отлично приготовился. И впервые за все время своих экспедиций на Чую снарядил почти четыреста вьючных лошадей. Часть под воинский припас, часть под походные принадлежности, но не меньше половины оказались загружены товарами. Да все это с коноводами, приказчиками, носильщиками и слугами. Кроме того, бийский купец нанял три десятка суровых мужичков-охотников и вооружил их специально выписанными из САСШ винтовками Спенсера.

Одну такую я у Гилева выпросил. Вот она, в седельной кобуре — чуше, как ее здесь называют, стволом вниз висит. Иначе нельзя. Трубчатый магазин на семь патронов как раз в приклад вставляется и мусора не любит. Это вам не «калашников». «Спенсер» — оружие нежное, прихотливое, но по нынешним временам невероятно скорострельное. Еще бы калибр поменьше — совсем хорошо было бы. А то тринадцатимиллиметровый заряд так в плечо лягает при выстреле, аж куда целился, забываешь.

И все-таки винтовка хороша. Семь выстрелов за семь секунд и перезарядка. За минуту легко пара магазинов расстреливается. А потом ползаешь на коленках, гильзы собираешь. Переснарядить патроны не получится: идиотский, но жутко прогрессивный кольцевой метод воспламенения не подразумевает смену капсюля. А корпус у патронов-то латунный. Казаки гильзы на кольца для девок пилили...

Вот следом за авангардом Корнилова как раз торговая часть каравана и идет. С ними и мороки больше всего. Из-за них и двигаемся медленнее, чем могли бы. А когда, к вечеру ближе, Гилев место для привала выбирает, так и вовсе «Мулен Руж» и кафешантан начинается. Вроде опытные люди, этой тропой не раз ходили, да и вообще в Алтайских горах не новички, но такую суету умудряются устроить! Без смеха и не взглянешь.

Брали бы пример с пехоты. Герцель своих евреев в ежовых рукавицах держит. Они сразу за торговцами маршируют. Раньше я думал, это невозможно: по горной тропе, где телега-то с трудом протискивается, еще и строем по трое идти. Идут. Фузеи свои на плечо, ранцы тяжеленные, шапки какие-то дурацкие, неудобные — и идут. Еще и с песнями.

Фельдфебель Цам как-то быстро с седым унтером Казнаковым сговорился. Старый и молодой, а характерами похожи оказались. Топчут Алтай вместе. Между двумя отрядами лошади пыхтят — пушки с огневым припасом тянут. Обитые железом колеса камешки в пыль давят. На крутых подъемах или спусках, где кони не справляются, солдаты плечи подставляют. И национальность не спрашивают. Где русак, где поляк, где еврей? Солдаты это.

Мне хорошо видно. Я с конвойным отрядом, штабс-капитаном Принтцем и князем Костровым сразу за пушками пристроился. И уже за мной, в арьергарде, оставшаяся казачья сотня под командой сотника Безсонова пылит.

Еще два десятка кавалеристов с майором Суходольским остались. Мало ли — всяких он людишек набрал, паспорт не спрашивал. Лишь бы руки откуда надо росли да о душегубстве помыслов не было. Но майор отдельным караваном идет. Я его после Барнаула и не видел: он посыльных изредка присылает — письмами обмениваемся.

Бийские купцы что-то вроде фонда строительства дороги организовали. Всю зиму лес готовили, тросы пеньковые, гвозди, полосы железные. Лопаты, заступы и кирки. Порох. Выпускник Корпуса путей сообщения, а ныне командир казачьего полка, сразу и строить начал. Где подпорную стенку подновит, где мостик через ручей перекинет. Так что медленно идет. Если к осени до Онгудая доберется, и то ладно. Самая-то работа дальше, за Онгудаем, за Хабаровкой, от переправы через Катунь до устья Чуи. Там Чуйские бомы, самый сложный участок пути.

Суходольский полон энтузиазма. Писал, что, если «и дальше делу будет сопутствовать такая же помощь заинтересо-

ванных бийчан», года за четыре до Кош-Агача дорогу доведет. Дай ему Господь сил! А купцам — хитрости. Они и так из кожи вон лезли, бревна повсюду скупая. Это же АГО, здесь все не слава богу. Начальнички почти весь близлежащий лес на уголь пережгли, вместо того чтобы каменный добывать и использовать. Теперь спохватились, но и то в обратную сторону. Все деревья в оставшихся лесах пересчитали, описи составили и продажу запретили. Только на нужды казенных заводов. Бийчанам пришлось зимой за бревнами аж в Кузнецк обращаться. Оказалось дешевле оттуда привезти, чем горным вымогателям взятки давать.

Благо заранее заготовленные бревна только до Алтайского нужны. Дальше, к Черге ближе, — земли туземцев. Здесь власть горных егерей кончается и начинается лес. Маленький подарок туземному зайсану — и, если князек крещеный, никаких проблем. Выбирай деревья и валяй. Если Алтайская православная миссия еще не добралась до этих мест — все сложнее и подарки не помогут. В шаманизме, по словам князя, деревья — живые, наделенные душой существа. Срубить дерево — все равно что убить человека.

Алтай середины девятнадцатого века южнее села Алтайское — это вообще другой мир. Будто другая планета. Насколько русские сибирские поселения отличались от того, что я знал в свое время, настолько же далек оказался уклад жизни туземцев горных долин от оставленной на севере цивилизации. И чем дальше на юг мы продвигались, чем более дальние расстояния разделяли основанные русскими форпосты, тем больше отыскивалось этих отличий.

Уже ко второй ночевке после выхода из Алтайского я вдруг со всей ясностью осознал, что мое отношение к экспедиции как к туристическому походу в корне ошибочно. Куда подевались доброжелательные гостеприимные улыбочивые алтайцы? Откуда, из каких глубин повылазили эти угрюмые, недоверчивые, а часто и злые туземцы? Мы двигались под постоянным прицелом внимательных и совсем не дружелюбных глаз. По каким-то одним им ведомым тропам нас посто-

янно сопровождали вооруженные примитивными луками небольшие группы кочевников, уклоняясь от любых попыток контакта. В спине свербело. Казалось, стрела с костяным наконечником в любой момент может прилететь из ближайшего куста. А моя армия шагала вперед, даже не затрудняясь выставлением охранения или часовых на привалах.

По сути, растянувшийся вдоль на удивление хорошо накатанной грунтовой дороги караван представлял собой три отдельных отряда. Казаки Корнилова и Безсонова отдельно, купеческая часть Гилева со товарищи — отдельно и пехота Кознакова-Цама — отдельно. На ночевках это особенно хорошо было видно: каждая часть моего сводного «батальона» разбивала свой, отличающийся от других лагерь. Случись что — и отбиваться от нападения пришлось бы по отдельности. Не знаю, почему это обстоятельство ничуть не трогало ни командиров «рот», ни штабс-капитана Принтца — вполне грамотного и разумного человека. Мне такая организация совершенно не нравилась.

Слава богу, я обладал достаточной властью, чтобы иметь возможность настоять на своем. Так что к деревне Мюута подходила регулярная российская армия, а не «банда Орлика», вышедшая из Алтайского. Правда, пришлось совершить некоторые перестановки в командовании.

Во-первых, штабс-капитана Андрея Густавовича Принтца, выпускника Академии Генерального штаба, я временно назначил командиром пехотной роты. Сашенька Геберт только обрадовался — и тут же стал заместителем. Кавалерию я, наоборот, разделил на две части — авангард и арьергард. Корнилов и Безсонов, как вы уже наверняка догадались.

Тридцать гилевских «стражников» составили легкий оборонительный отряд. Купцам, а их в караване обнаружилось аж пять человек, было строго-настроено наказано: в случае любой стычки с кем бы то ни было ни в коем случае не кидаться кого-то спасать. Они должны были остановить лошадей и укрыться. «Стражникам» следовало занять круговую оборону.

— Понял, Василий Алексеевич? — в упор глянул я на Гилева. — Начнут твои стрелки носиться вдоль дороги да пулять во все, что движается, — брошу и уйду вперед! Будешь с туземцами сам разбираться.

Бийский купчина и не спорил. «Спенсерки» — конечно, оружие прогрессивное, но патронов было неприлично мало. Всего по три магазина на ствол.

— Само-то ружье не больно-то и дорого. По восьмидесяти четырем рублям за штуку. А пульки эти гадские — прямо разорительные. Я думал, мне шестьсот штук до конца жизни хватит, а вышло, что это всего ничего. Взяли же за них по два гривенных за штучку. Как зачнут мои охотнички греметь да рукоятку дергать, прям сердце кровью умывается, — жаловался Гилев. — Прямо вижу, как рублики серебряные в воздух улетают.

Так что для увещевания любителей бабахнуть в торговой части экспедиции ввели штрафы за неоправданную стрельбу.

Теперь и лагерь стали ставить один. Торговцев окружали со всех сторон палатки солдат или казаков. На опасных направлениях устраивались секреты, а у продуктовых шатров ставились часовые.

Нужно сказать, что наведенный порядок только способствовал притирке согнанных из разных мест людей. И если на купцов вместе с их коммерческими интересами мне было в общем-то плевать, то, как сдружатся томские евреи с барнаульскими поляками и казаками, было очень важно. Им еще предстояло построить крепость, а потом и остаться в ней жить. Вне какой-либо связи с относительно цивилизованными землями.

Там же должен был остаться на зимовку и князь Костров. Но за него я не переживал. Его злобные туземные морды во все не пугали, а напротив — притягивали. К каждому встреченному на пути улусу он скакал одним из первых. И если бы не припомнился читанный в далеком детстве роман Жюль Верна и его бессмертный персонаж — рассеянный

ученый Паганель, я посчитал бы князя простодушным полудурком. А так его научные изыскания только забавляли.

Организация постоянного военного присутствия российской императорской армии в Чуйской степи — лишь одна из моих целей. Причем та, что в общем-то не требовала личного присутствия. Ну да конечно: триста хорошо вооруженных людей в качестве конвоя для высокого чиновника в его вояже по диким краям — хороший повод ввести контингент на спорные территории. Но империя была еще достаточно сильна, чтобы не заниматься пусканием пыли в глаза. В конце концов, майор Суходольский тоже сравнительно высокий чин.

И уж точно я не потащил бы с собой в горы троих выпускников горного училища только ради любования лысыми горами почти безжизненной местности. Совсем молодые ребяташки, лет по семнадцать-восемнадцать, мгновенно сдружились с Сашей Гебертом, под команду которого я их в итоге и передал. Пусть привыкают к порядку.

У подпоручика была карта — часть «Топографической карты Алтайского горного округа» инженер-полковника Мейерна. Не слишком точная, частью выдуманная, но тем не менее это лучший вариант из всех, что попадали мне в руки. Чуть желтоватые листы я торжественно передал артиллеристу еще в Бийске с наказом хранить как наивысшую драгоценность. И только Сашеньке дозволено было наносить на нее какие-либо пометки.

Во время того самого совещания на озере Манжерок мне попались на глаза топографические двухверстки с указанием месторождений всяких полезных ископаемых из числа госрезерва. Значков было много. Большая часть ничего мне не говорила, но уж Аг в кружке — в честь Аргентины, страны серебра — я сразу разглядел. И располагался этот кружок точно к северо-востоку от Кош-Агача. Километрах этак в восьми или десяти. Рядом на карте еще пометка была, что руда загрязнена свинцом, месторождение малое и к разра-

ботке нерентабельное. Хотя и расположена жила практически на поверхности.

И ведь они правы были на сто процентов. Серебро в мое время стоило копейки. Дешевле ввозить его тоннами из арабских стран, в обмен на пшеницу, чем на край земли технику тащить и общежития для рабочих строить. Другое дело сейчас, в семидесятых годах девятнадцатого века. Белый металл в цене. Больше того! Курс русского рубля привязан к его стоимости.

Но и это еще не все. Думаю, вряд ли его императорское величество обрадуется перспективе гнать в Чуйскую степь рабочих, инженеров и сильный военный отряд для охраны. По той же самой причине, по какой отказались от разработки жилы в двадцать первом веке. Дорого. Себестоимость металла приблизится к цене золота. И на фига оно такое нужно?

А вот мне пригодится. Хотя бы уже потому, что в сопредельном Китае есть много чего вкусного, продаваемого за бесценок, но весьма востребованного в Санкт-Петербурге. А еще в Поднебесной наблюдается явный дефицит драгметаллов. Гилев рассказывал, что, если покупать товары у китайцев за серебро, цена сразу на треть падает. Так что купец сразу мою идею ухватил, стоило лишь заикнуться. И тут же на иконе поклялся, что не разболтает секрет.

Так вот мы с ним и договорились. Я рудознатцев привезу и место покажу, а он добывать станет, в слитки сплавлять и с соседями торговать. Мужички надежные с нами в караване шли. С прибыли же треть мне причитается. Рублями. Я же, со своей стороны, от внимания губернской администрации стану наше предприятие беречь. И даже если что-то как-то куда-то просочится, то опять-таки я и следствие направлять буду. И даже уже знаю, куда нити преступления меня выведут. Ну конечно на Зырянский рудник. Откуда же еще нечтенному серебру взяться?!

Богатства Чуи, кстати, купчины без всякого разрешения уже использовали. С дровами в степи совсем плохо, а к северу от выстроенного Васькой лабаза, верстах в трех холм есть.

Чуть копни — и уголь бурый руками собирай. Так что было там и на чем серебро плавить, и чем дома отапливать.

У штабс-капитана тоже свои задачи имелись, отличные от моих и от торговых дел. Он ведь при Генеральном штабе состоял, а в нынешнее время это вроде военной разведки. Русское географическое общество, кстати, под патронажем этой уважаемой организации состоит. Ни на какую мысль не наводит?

О целях вояжа к китайской границе Андрей Густавович особо не распространялся, но и общего положения дел не скрывал. Я ему сразу письмо Дюгамеля показал. Хотелось получить объяснение необычайного энтузиазма, даже жесткости генерал-губернатора, обычно достаточно мягкого и нерешительного господина. Ну и получил целую лекцию, которая в мое студенческое время называлась политинформацией.

А заодно я капитану помог. Причем совершенно случайно.

Дело в том, что 10 июня прошлого, 1863 года, или, как выразился Принцц, — седьмого числа пятой луны второго года правления императора Тунчжи династии Цинь, китайское правительство обратилось к поверенному в делах России в Китае графу Николаю Глинке с просьбой уведомить генерал-губернатора Западной Сибири Александра Осиповича Дюгамеля о незаконности выставления русских караулов в верховьях реки Чуя. Что поверенный, вынужденный следовать международному протоколу, и сделал. Правда, прежде чем отправить генерал-лейтенанту послание, Глинка отписал в цзунлиямынь — это вроде Министерства иностранных дел в Китае — бумагу. «Не нахожу ни малейшего нарушения в том, чтобы наши подданные или даже и пограничные гражданские власти не могли пребывать в местностях, — писал граф, — должествующих отойти к Российской империи согласно трактату». Имелся в виду Пекинский трактат 1860 года, определивший отношения двух обширных империй, на основании которого должна быть проведена демаркация границ.

Так вот, представьте теперь степень недоумения Дюгамеля, которому высочайшим повелением от 17 марта 1862 года назначалось организовать и привести к удовлетворительному результату переговоры с китайской стороной о разделении земель. Особенно если учесть, что после экспедиции полковника Радлова на Чую в 1861 году нога русского офицера туда более не ступала.

А тут мои инициативы. Нужно сказать, что, не имея ни малейшего понятия о введущихся переговорах и уж тем более об их приостановке в начале осени 1862 года, я со своей экспедицией оказался потрясающе к месту. Циньские комиссары требовали от России территориальных уступок, утверждая, что на спорных землях расположены их военные пикеты, а русских войск там нет. И мой отряд становился как бы противовесом их военному присутствию. Тут уж Дюгамель и пушек не пожалел, к тому же на это старье времен наполеоновских войн желающих больше не находилось.

И раз уж к моему походу положено было прикрепить офицера Генерального штаба, то генерал-губернатор попросил Андрея Густавовича заодно разобраться на месте с неведомыми «русскими караулами» на Чуе.

— Да какая же это загадка, господин штабс-капитан, — хмыкнул я. Разговор велся на носу медленно ползущего против течения Бии, отчаянно дымящего парохода. До Бийска оставался всего один дневной переход. Неторопливо проползающие мимо однообразные виды берегов южносибирской реки изрядно надоели, и мы развлекали друг друга разговорами. — Позапрошлой зимой калмыки поломали гилевские лабазы на Чуе да приказчиков побили. Васька в начале лета туда с караваном пришел да и обиделся шибко. Мужики с ним суровые ходят... Взяли, поди, топоры да и пошли в политику... Империи объяснять.

Принтц, невысокий, сухощавый, очень похожий на Суворова в молодости, как генералиссимуса обычно изображают на картинах, с минуту на меня смотрел, а потом звонко и заразительно рассмеялся. Я тоже улыбнулся. Смеяться не

мог. Как припомню вмиг заледеневшие серо-стальные глаза Гилева, когда он рассказывал о хулиганствах тамошних туземцев, волосы на спине дыбом встают. Такой лютой ненавистью и жестокостью от купца пахнуло.

Мое предположение подтвердилось за ужином в доме Гилева. Купец смущенно пожал плечами и лаконично поведал, как наказывал разбойников:

— Там от лабазов в Кош-Агаче на север летнее стойбище зайсана Могалока. Этот хоть и жаден без меры, но татьбой не забавляется. А вот зайсан Турмек, его юрты к югу, совсем другой. Он синский знак носит — бирюзовый шарик на шапке с перьями. Как объездное начальство из-за хребта приходит, Турмек прямо на пузе перед офицером ползать готов. Китайцу только намекнуть достаточно было, чтобы зайсан лавки мои громить кинулся. Так ить и не только мои. И кузнецовские, и хабаровские, и мальцевские, и Шебалиных...

— Так толпой того Турмека по горам и гоняли? — невинно поинтересовался Принтц.

— Какое там, — почувствовав, словно зверь, даже не высказанную угрозу, покаялся купец. — Скажете тоже, ваше благородие, «гоняли». Нешто его там, в степях, догонишь. Пуганули только. Я да шестеро охотников...

Такой вот дипломатический инцидент, повлекший за собой целую череду политических демаршей. В апреле 1863 года Азиатский департамент МИД прямо предложил Дюгамелю, с одной стороны, не поддаваясь на провокации китайской стороны, установить караулы на землях, которые должны были отойти к Российской империи, с другой — не торопиться эти самые переговоры продолжать. «Нам следует выказывать совершенное равнодушие к окончанию пограничного вопроса», — указывалось в депеше.

Александр Осипович, обычно вялый и нерешительный, тут вдруг раздухарился. Уже к началу лета 1863-го были развернуты стационарные заставы на плато Укок и у перевала Бахты в Тарбагатае, по южному и северным берегам озера

Зайсан. В Иртыш вошел пароход «Уфа» с ротой солдат, прошел спорное озеро и к осени сумел подняться по Черному Иртышу до урочища Ак-Тюбе. Этим простым ходом Дюгамель продемонстрировал циньским чиновникам возможность быстрой переброски войск из внутренних областей Сибири на китайскую территорию. В том плавании, кстати, участвовал и штабс-капитан Принтц. Так что известия я получал, так сказать, из первых уст.

В мае прошлого года китайская императорская армия атаковала отправленный для рекогносцировки вдоль будущей границы русский отряд. Капитан Голубев отвел отряд к удобному для обороны перевалу и запросил помощи, которая немедленно была ему оказана. Усиленный казаками, капитан немедленно перешел в наступление и выдал противника за реку Борохудзир. После дознания, проведенного еще одним офицером Генерального штаба, подполковником Турьиным, выяснилось, что некие неназванные силы подговаривают переселяемые из Центрального Китая племена солонов и сибо. Какие-то люди явно европейской наружности утверждают, что Россия хочет отобрать их земли и именно для этого стягивает к границе войска.

— И кто же это может быть? — удивился я.

— Англичане, конечно, — скривился Андрей Густавович. — Наши заклятые друзья. Они же и нападение на наше консульство в Кульдже организовали. Господин Колотовкин, когда ему удалось к нашей заставе пробиться, докладывал, что китайцев в толпе и не было вовсе. Только мусульмане. И по некоторым признакам — выходцы из афганских провинций.

Герин брат Мориц тоже в этих приграничных стычках отличился. Это я уже от него слышал. Подполковник Лерхе на усиление голубевской заставы роту пехотинцев привел и сотню казаков. А как занимающего должность русского консула в Кульдже с документами и казной представительства от погони отбил, так и в запале боя границу перешел. Погромщики в китайском форте Борохудзир укрылись.

Что, впрочем, не остановило бравого вояку. Одним пограничным пикетом больше, одним меньше — никто бы и не заметил. Но неподалеку ошивался пятитысячный корпус генерала Хабцисяня. И когда два сильных отряда встретились у реки Чалкады, случилось настоящее сражение. Четыре сотни русских солдат против пяти тысяч китайских.

Мориц рассказывал, что дым стоял такой, словно туча опустилась на землю. Ветра совсем не было, и стрелять пришлось наугад. Правда, после наших четырех залпов Хабцисянь благоразумно отступил. Брат так и не смог ответить на вопрос, стреляли китайцы или нет. Потерь среди его подчиненных не оказалось, а циньцы своих, если они и были, унесли с собой.

Осенью российская делегация по просьбе китайских чиновников, напуганных восстаниями в северо-западных мусульманских провинциях, вернулась за стол переговоров. Но дело так и не стронулось с мертвой точки. Теперь соседи настаивали на том, что Чуйская степь принадлежит все-таки им. К началу зимы наши делегаты возвратились в столицу.

— Можем ли мы ожидать провокаций, Андрей Густавович? — не мог не уточнить я. — И что нам предпринимать, коли английские агенты и тут начнут...

— По нашим сведениям, Герман Густавович, — любезно поделился секретами капитан, — губернатор из Кобдо, амбань по-ихнему, вполне разумный человек. Это не кульджинский наместник Чан Длинный Мешок, прозванный так за непомерную жадность и мздоимство. Кобдинский начальник должен понимать, что, когда на западе неспокойно, затевать что-либо на наших границах весьма чревато. Что же касается наших островитян... Их позиции крепки на Ближнем Востоке и в Индии. Афганский эмир их только терпит, а кокандские и бухарские беи не воспринимают обещания всерьез. В Китае же англичане — такие же варвары, как и прочие европейцы. Как и мы с вами, ваше превосходительство. Император Поднебесной всерьез полагает свою страну центром вселенной, единственной державой, несущей свет

цивилизации отсталым племенам. И ничто не способно его в этом переубедить. Поражение в последней войне с британским экспедиционным корпусом списали на халатность военачальников и никаких выводов не сделали... Впрочем, вы, Герман Густавович, имеете возможность сами ознакомиться с состоянием китайской армии. Почти на границе, к югу от купеческих лавок, располагается их постоянный пограничный пикет, который мы просто обязаны посетить.

— Конечно, — хихикнул я. — Это будет весьма любопытно.

— И полезно, — совершенно серьезно кивнул Принцц.

«Полезно» оказалось любимым словом офицера Генерального штаба. Очень ответственно относясь к своему, хоть и временному, назначению командиром пехотно-артиллерийской роты, он тем не менее управлял унтер-офицерами скорее с помощью собственного авторитета, чем криками и руганью. «Полезно», — говорил он, выслушав доклад о размещении караулов и секретов вокруг вставшего на ночной отдых каравана, и Цам отходил раздумывавшийся, словно его похвалили. Или молча качал головой, наблюдая шумную ссору томского и барнаульского солдат, и фельдфебель Казнаков, крякнув, в смущении бежал наводить порядок. Каждый раз я поражался этакому таланту и каждый раз думал, что бы я делал, не случись в моей экспедиции этого спокойного, образованного и опытного офицера.

Но во всей полноте скрытые прежде способности штабс-капитана раскрылись уже на берегу, у переправы.

По широкой долине Урсула — одной из самых красивых, неожиданно голубого цвета, рек Алтая — мы спустились до малого Ульгеменя. Верст через десять, перевалив большой Ульгемень, прямо по гребню хребта поехали до бирюзовой царевны горного Алтая — Катуня.

В селе Муюта, или, как его называли туземцы, Мьюта, кончилась накатанная телегами колея. Там стояли лагерем целых четыре дня — перекладывали грузы, разбирали пушечные лафеты.

Дальше шли медленнее: лошади быстро уставали и отказывались тащить непомерный груз. Шестнадцать верст до деревни Шебалина заняли целый дневной переход. Потом, правда, приспособились. Вошли в ритм. Восемьдесят верст до Онгудая — неряшливого поселения, замечательного только тем, что там располагался самый южный стан Алтайской православной миссии, преодолели за четыре дня.

В длинной, узкой, но богатой травами и веселыми, скачущими по камням ручьями долине отдохали два дня. И, честно говоря, когда караван таки тронулся, я испытал облегчение. Уж очень приставучим оказался протоирей Стефан Ландышев — руководитель миссии. Ни на минуту меня в покое не оставлял — все трывдел о предназначении цивилизованного человека, о христианском долге и благодарных потомках. Я думал, у меня стойкий и абсолютный иммунитет к любым видам рекламы. Ан нет. Когда ходит за тобой бородатый хмырь в рясе и поминутно дергает за рукав, поневоле обратишь внимание.

Пришлось клятвенно пообещать заложить в новой крепости храм. Стефан кивнул и через полчаса привел молоденького иеромонаха. Представил двадцатилетнего парнишку с широко распахнутыми, блестящими голубыми глазами как отца Павла и исчез. Больше я Ландышева и не видел. А Павлик, в миру Павел Морозов, отправился с нами.

Пару раз порывался на привалах пригласить черного монашка в священническом сане к своему костру да выпытать, что же подвигло-то его, молодого и жизни не видевшего, на служение, но так как-то и не вышло. Все что-то другое занимало.

В Хабаровку — вотчинную деревеньку инородческой купеческой семьи Хабаровых — пришли к обеду. И снова остановиться на сутки пришлось. Пока на многострадальные спины лошадей примеряли новый груз — тщательно упакованные в кожи маральи панты, лакомились медом. Алтай стал слегка более похожим на ту волшебную страну, которую я помнил по прошлой жизни.

Предложили искупаться в бочке, наполненной кровью. Отказался, хотя Гилев и утверждал, что это очень полезно для здоровья. Как представил себя всего в... в этом, даже передернулся. Отшутился, что лютеранская вера не позволяет. Принтц удивился, но ничего не сказал. Гера-злыдень еще полдня ржал, гад.

После Хабаровки широкая, хоть и непригодная для повозок дорога превратилась в узкую тропку. Отряд растянулся так, что безсоновским казакам можно было спать лишних часа три, пока наступала их очередь выдвигаться. Каменистая ниточка вилась и изгибалась, обходя препятствия. Случалось, что авангард мог свободно переговариваться с пушкарями, находясь тем не менее верстах в трех впереди. Так продолжалось два дня, пока тропа не вывела нас на берег Катуня, к переправе.

На берегу буйной реки жил хитрый русский мужичок. Ловил рыбку, ковырялся в огорожке, держал несколько ульев. А еще владел двумя лодками. Возможно, самыми большими по размеру плавсредствами от Бийска до Пенджаба. Не знаю, где в этих неприветливых горах предприимчивый дядька нашел два столь толстых бревна, но размеры выдолбленных суденышек действительно впечатляли. По семь или восемь метров длиной и не меньше полутора шириной. Только я плохо себе представлял мою нервную кобылку, пересекающую Катунь на шаткой посудине.

Гилева занимали совсем другие мысли. На первую ярмарку в верховье Чуи мы уже опоздали, она прошла в первых числах июня. До начала второй — с середины июля до середины августа — оставалось три недели, а путь впереди еще лежал долгий. Одна только переправа через неприветливую и жутко холодную реку почти тысячи человек и вдвое большего числа груженных лошадей могла растянуться минимум на пару недель.

У бийского купца был вариант: в первую очередь перевезти торговый караван и, не дожидаясь отягощенного пушками и запасом провианта воинского отряда, рвануться к

Кош-Агачу. Этим своим планом он и поделился с нами у костра в лагере, разбитом на берегу. Пришлось Принтцу приоткрыть завесу секретности и поведать отважному первооткрывателю о возможном нападении подконтрольных китайцам племенах аборигенов. И снова были упомянуты английские эмиссары как потенциальные виновники.

— И чего им на своем острове не сидится! — в сердцах брякнул я, даже не потрудившись задуматься.

— Торговля, — пожал плечами штабс-капитан, вычерчивая что-то прутиком на песке. — Как у всех. Мы в Коканд тоже не пустынями любоваться вторглись. Купцы генералам гешефт сделали и о сильной потребности в хлопке намекнули.

— Хлопок — это да, — легко согласился я. — Стратегическое сырье.

— Как вы сказали? — удивился разведчик. — Простите, Герман Густавович, вы сказали — стратегическое? Отчего же?

Черт меня, что ли, за язык дернул. Пришлось выпутываться:

— У меня в присутствии господин Менделеев служит. Брат известного химика из Санкт-Петербургского университета. Так вот, мой чиновник утверждает, что сейчас ведутся опыты по созданию пороха на основе хлопка. Оттого я и сказал — стратегическое сырье.

— Интересно. Очень интересно. О таком аспекте нашей среднеазиатской кампании я не задумывался. Спасибо, ваше превосходительство.

— Да пожалуйста, — отмахнулся я. — Вы, Андрей Густавович, лучше поясните вашу мысль. При чем тут наши заклятые друзья и торговля в Монголии.

— Монголии? О! Прошу меня простить, Герман Густавович. Одну секунду. — И, повернувшись к купцам, жадно ловящим каждое наше слово, совершенно по-военному приказал: — Организуйте людей. Мне нужно три дюжины хороших бревен в пять сажен длиной. Если есть возможность,

отыщите бочки. Хотя бы десяток десятиведерных. И соберите по каравану веревки. Чем больше, тем лучше.

— Никак мост строить зачем, ваше благородие? — обрадовался кто-то из компаньонов Гилева.

— Мост? — прищурился офицер. — Нет, мост — это дело будущего. Сейчас займемся паромной переправой. Коли все нужное сыщется, послезавтра начнем переправляться. Дня в три управимся.

— Благодетель! — забавно глотая окончания слов, вскричал узкоглазый Хабаров и перекрестился. — Год молить Господа за вас стану!

— Перестаньте, Фадей Аргалыкович. Идите готовить бревна. Общее дело делаем.

Василий Алексеевич, как начальник над купеческой братией, быстренько раздал каждому указания, и обрадованные перспективой торговцы убежали исполнять. Сам Гилев остался у костра, продолжая чутко вслушиваться в наш с офицером Генерального штаба негромкий разговор.казалось, даже уши любопытствующего бийчанина по-волчьи шевелились.

— Знаете ли вы, Герман Густавович, что пекинские мандарины исчисляют подданных китайского императора никак не менее чем в четыреста миллионов душ?

— Много, — кивнул я.

Конечно, много. Пусть и не два миллиарда, как в той моей жизни, ну так и в Российской империи не сто сорок миллионов жителей, а чуть больше шестидесяти.

— Кто-то из британских промышленников сказал, что, если каждый китаец купит у него по одному гвоздю за медный фартинг, ему не нужно будет заботиться о будущем своих детей.

— Логично. Это огромные деньги. Если бы наши торговцы сбывли циньцам четыреста миллионов аршинов сукна, императорская казна наполнилась бы до самого верха.

— Эка, — не утерпел Гилев и хлопнул себя по коленкам. — Не зря я в Омске суконную мануфактуру выкупил.

Зимой в Бийск перевезу. Кабы не вы, Герман Густавович, ни в жисть бы не догадался!

— Как это — выкупил? — удивился я, пропустив мимо ушей похвалу. Сразу заметил — нынешние купчины вообще на лесть не скупятся.

— Так они заводик годов пять назад построили. На нужды воинские применить хотели. Только не вышло. Думали, им киргизы овечьей шерсти наташат, ан нет. Дикие они, одно слово — кочевники. Шкуры — и то кислые, в дело непригодные. А стричь не умеют как следует. Кошмы свои катают из того, что само на колючки цепляется...

— Закрыли завод, что ли?

— Закрыли, ваше превосходительство. Людишек распустили, а избу досками заколотили. Только механизмы и остались пропадать. А я вот выкупил. Сейчас разбирают да к перевозке готовят. Как на тракте снег ляжет, так и повезут.

— А ты где же сырье брать думаешь?

— Я-то? — хитро прищурился Васька, став вдруг отчаянно похожим на кота, укравшего кусок колбасы со стола. — Я у монгольцев и буду. Они верблюдей разводят и сарлагов. Сарлаги — это коровы такие китайские, сильно лохматые. Шерсть ажно до земли свисает. Они как весной линять начинают, по полпуда скидывают зараз.

— Яки, что ли?

— Яков не знаю. Теленгиты зверей этих сарлагами кличут. Я и с Корниловым говорил уже. Землица-то по Чуе бедная, лето короткое. Зерно может и не родить. А коли казачки овец да коров этих лохматых разведут, так я у них на сукно шерсть куплю. Взамен, как их благородие инженер Суходольский дорогу достроит, зерно телегами возить стану...

— А от чего же ваша, Василий Алексеевич, мануфактура работать станет? — заинтересовался Принтц. — Ручей какой-нибудь плотиной перекрывать станете?

— Так я, господин капитан, и паровую механику с Урала выписал, и с городничим нашим договорился. Бийск-то нынче к земству причислен да к губернии. И законы горные

на нас более не действуют. Еще слышал — по Томи где-то горючий камень рыть начали. Мне бы съездить глянуть. Дров-то на машину, поди, не напасешься. Ну да зима длинная — успею.

— Молодец, — искренне похвалил я предприимчивого торговца. — Разбогатеешь и железо сам плавить начнешь. Я места покажу, где руда есть.

— А и начну, — обрадовался похвале Гилев. — Калмыки китайские хорошо железную утварь берут.

— Да, — протянул капитан. — Полсотни гвоздей сейчас бы к месту пришлись. Построить паром несложно, только в следующий сезон чинить придется.

— Починят, — хмыкнул я. — А потом сюда майор дойдет. Он и постоянную переправу организует.

Не знаю, что именно изобретет Суходольский — на обратном пути я встретил его строительную орду только-только выходящей из Мыюты, — но у Принтца паром получился отличный. Две дядькины лодки, которые он сразу отдал, уяснив для себя, что за перевоз все равно будет заплачено, несколько бочек и пару чудных плотиков связали между собой. Поверх наложили расколотые вдоль бревна. На корме и носу «корабля» установили треноги с собранными по типу кандалов зацепами для перекинутого через реку троса. А справа, ежели смотреть с этого берега, присоединили прямо-таки огромное весло-руль.

— Это же какого богатыря нужно при перевозе держать, чтоб таким веслищем грести, — замысловато расписался в собственном бессилии Безсонов. Даже он, с его-то мощью, браться за жердину не рискнул.

— А и не нужен нам гребец, Астафий Степанович, — разулыбался довольный Принтц. — Пожалуйте, господа, на борт. На испытания. Если уж мы, начальники сего похода, без страха на тот берег переедем, так и другие легко подтянутся.

Сам паром опасения вовсе не внушал. Почти квадратная, со стороны метров десять-двенадцать платформа, огоро-

женная перилами для привязывания лошадей. Центр занят тросом, но места вполне достаточно, чтобы разместить человек сорок сразу. А вот река — бирюзовая, холодная, дикая, шипящая в прибрежных камнях стихия, была настоящим испытанием для нашей отваги. Казалось, что тонкий, в руку взрослого человека, трос — не более чем ниточка в руках своенравной алтайской богини. И полностью в ее воле оборвать эту связь легким движением особенно буйной струи.

В первое плавание отправились мы с Андреем Густавовичем, Миша Корнилов с тремя казаками и, как ни странно, Фадейка Хабаров — неофициальный хозяин этих мест.

Сходни затанули на плот, шестами оттолкнулись от берега и, сильно выгибая натянутый между берегами трос, вдруг оказались уже саженьях в пяти от земной тверди.

— Убрать руки! — рявкнул, напугав казаков, Принтц. — Не трогайте канат, коли руки целыми хотите оставить!

Пока разглядывали обычно спокойного, рассудительного и вежливого штабс-капитана, плот сам по себе отъехал уже на середину реки. И продолжал медленное, но безостановочное движение. У повернутого под углом кормила вскипал рычащий от ярости бурун воды. Но это буйство стихии служило только на пользу, подталкивая «корабль» к правому берегу Катуня.

Еще пятью минутами позже долбленки заостренными носами выползли на прибрежную гальку. Трап был сброшен, и мы спрыгнули на правый берег Катуня. Штабс-капитан сразу отправился к толстенной лиственнице осматривать состояние каната, а Хабаров с Корниловым, переложив «руль» в другое положение, поплыли обратно.

Через час и на этом прежде пустынном берегу появился лагерь. Сначала переправилась полусотня авангарда с лошадьми. Потом часть пехоты с пушками и десятком шустрых мужчин, взятых в караван для хозяйственных нужд. Так что обед готовили сразу на обоих берегах Катуня.

К вечеру с одним из последних рейсов прибыл сияющий как новенький пятиалтынный Гилев. «Принтцевская пере-

права» работала без остановок и за половину дня перевезла столько, насколько обычно у чуйских первопроходцев уходило не меньше трех дней. «Кандалы» на пароме притерлись, и плот перестал дрожать, как загнанная лошадь. Предприимчивый Хабаров для сохранения дорогого троса приказал обильно смазывать его дегтем. Амбре над рекой поплыло то еще, но инородца это нисколько не смущало.

Весь следующий день паром сновал туда-сюда, но ужинала экспедиция уже в одном лагере.

Очень не хотелось уходить от прибрежной прохлады. Стоило отъехать на полверсты — и озверевшее солнце вступало в свои права. Удушающая жара вкупе с высокой влажностью вытягивала силы быстрее, чем даже самая долгая ходьба по горным тропкам. Герману, лишенному доступа к органам чувств, было все интересно. Он поминутно дергал меня, требовал посмотреть направо или налево. Я же обливался потом и не смел ему отказать. По большому счету, это я — оккупант. Я захватил его тело, лишил его даже самых простых прелестей жизни.

От «принтцевской переправы» караван отправился вверх по маленькой речке — скорее даже ручью — Сальджарке. Там, где последние ее ручейки спрятались под неряшливыми валунами, перешли к следующей — Елагушке, следуя за которой попали в заросшую еловым и лиственничным лесом долину реки Айгулак.

Берега этого потока, заросшие высокой травой и утопающие в грязи, стали нам еще одним испытанием, но тем радостнее было выйти к широкой, спокойной, темной, как дождевая вода в бочке, Чуе.

— Осталось восемь бомов, ваше превосходительство, — скалился Гилев, — и мы на месте. Всего-то неделя пути.

Но у остальных купцов лежащий впереди путь вызывал наибольшее опасение.

— Половина — еще ниче, батюшка енерал, — тараторил Хабаров. — А другие — ну чисто дьяволы зубья. Сколь там народу порасшибалось насмерть — не счесть. Тропиночка

узенка. Коники идти не хотят. Тянешь его, тянешь, да и под ноги не смотришь. Раз — и даже не кричит никто.

Действительность оказалась еще хуже рассказов. Им ведь прежде не доводилось перетаскивать через нависшую над рекой скалу двадцатипудовые пушки. И тридцатипудовые лафеты, даже в разобранном виде, — сущее наказание. Огромные тюки с товарами так раскачивали низкорослых коняшек, что их приходилось обвязывать арканами и придерживать, чтобы они не свалились в пропасть. Случалось, что животные выдыхались вперед людей и отказывались идти. Тогда весь караван останавливался на несколько минут, замирая в самых причудливых позах.

К вечеру все так уставали, что не было сил ставить палатки и разжигать костры. Падали кто где стоял и молча жевали твердые, как подошва, куски сушеного мяса, тупо глядя на шелестящую рядом реку. Драгоценные бронзовые орудия оказывались брошенными просто на землю, и никто не возражал.

Но не тяжесть, не неудобство и не опасность разбиться стали для меня настоящим чистилищем. Самым трудным, почти невыносимым, была совершеннейшая невозможность слезть с надменно посматривающей Принцессы и помочь рычащим от напряжения людям.

Я богохульствовал и стонал, ругался матом на Бога и всех его ангелов и святых. Но только про себя. Молча. Несколько раз за эту проклятую неделю думал: «Все! Плевать на их отсталые, идиотские, замшелые традиции и порядки!» Я, здоровый молодой мужик, должен смотреть, как такие же люди тащат через непокорные скалы пушку, без которой вполне бы обошлись! Смотреть и ничего не делать. Потому что никто не понял бы. Потому что я — генерал, а это недосягаемая высота практически для всех, за исключением пары человек в этой экспедиции. И еще потому, что это я струнул всю эту массу с места и отвечаю и перед государем, и перед Богом за них всех и за каждого в отдельности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1. Тропы</i>	7
<i>Глава 2. Испытание на крепость</i>	38
<i>Глава 3. Трофеи</i>	69
<i>Глава 4. Короткий путь</i>	95
<i>Глава 5. Дороги и новости</i>	128
<i>Глава 6. Пламя</i>	159
<i>Глава 7. Ветры Барнаула</i>	189
<i>Глава 8. Роза барнаульских ветров</i>	214
<i>Глава 9. Снежный тракт</i>	248
<i>Глава 10. Паровозы</i>	276
<i>Глава 11. Тонкая линия</i>	297
<i>Глава 12. «Ein Gott, ein Recht, eine Wahrheit»</i>	323